

А. Блюм,
П. Себий,
С. Захаров

Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений¹

Хотя политическая, экономическая и социальная системы России и Франции значительно различаются, обе эти страны начиная с середины XX в. проводили демографическую и семейную политику, основанную на мерах, стимулирующих рождаемость. Брачные и семейные траектории населения этих двух стран имеют схожие черты: и там и там заключение брака не является более единственной формой вступления в союз, в обеих странах повышается возраст рождения первого ребенка. Тем не менее очевидные сходства скрывают некоторые глубокие различия. Изучение календаря наступления первых событий взрослой жизни (завершение обучения, уход из родительского дома, первая работа, первое вступление в супружеский союз и рождение ребенка) и условий, в которых они происходят, показывает эволюцию процесса взросления во Франции и России. Проведенное исследование выявило сложность и в равной степени разнообразие изменений в жизни поколений, родившихся начиная с середины 1930-х гг.

Введение

Интересоваться эволюцией процесса взросления в России и во Франции, проводя сравнительный анализ — значит пытаться описать изменения, коснувшиеся основных демографических событий первых лет биографий мужчин и женщин в этих странах. Существует множество

¹ Печатается по изданию: Blum A., Sebille P., Zakharov S. Une transition vers l'âge adulte divergente en France et en Russie: une perspective générationnelle // Revue d'études comparatives Est-Ouest — RECEO. 2009. Vol. 40. №3–4. Septembre–Décembre. P. 133–161. Перевод С. В. Захарова и Е. В. Чуриловой.

социологических и демографических работ, направленных на изучение этапов социализации детей, а также рассматривающих последствия изменения календаря первых событий в истории жизни, например, удлинения периода обучения. Понятие «перехода» ко взрослому состоянию уже хорошо изучено [Bigot, 2007; Bourdieu, 1980; Eisenstadt, 1963; Galland, 2001; Toulemon, 1994]. Как правило, авторы представляют его как последовательность преодолеваемых этапов, среди которых главным образом выделяют завершение образования, уход из родительского дома, начало первой работы, вступление в первый брачно-партнерский союз и рождение первого ребенка [Singly, 2000; Galland, 2001; Villeneuve-Gokalp, 2001; Prioux, 2003; Rougerie, Courtois, 1997]. Целью нашей работы является не обсуждение понятия взросления и необходимости прохождения всей совокупности этапов для достижения статуса взрослого человека, а демонстрация того, как ключевые демографические события вписываются в историю поколений, которые их пережили. Речь идет также о лучшем понимании взаимосвязи между этими событиями и социальными, экономическими и политическими условиями жизни изучаемых поколений.

И во Франции, и в России в разные моменты их истории принимались меры демографической и семейной политики, оказывавшие кратко- или среднесрочное влияние на демографическое развитие. Между тем наметилась тенденция диверсификации моделей супружества и семейной жизни. В обеих странах бракосочетание перестало быть единственно возможной формой вступления в союз, и там и там откладывается рождение первых детей. Прекращение союза сопровождается созданием повторных союзов, что приводит к становлению новых форм семейной организации. Наконец, у наиболее молодых поколений формирование семейных пар и рождение детей все чаще происходит вне официального брака и все больше зависит от индивидуального стремления к стабильной и длительной экономической активности [Blum, Goussef, 2003].

Все эти демографические изменения свидетельствуют о наличии общих черт социально-демографической динамики, приносящей инновации. В то же время общность тенденций маскирует другую реальность, сложность которой мы надеемся воссоздать, предлагая анализ этих явлений у поколений последних 50 лет в России и во Франции. Мы рассмотрим каждое из событий, определяющих взросление, с целью выявить характеристики демографического поведения большинства, которые в итоге служат «моделями» перехода.

Рассматриваемое здесь лонгитюдное исследование включает поколения мужчин и женщин, родившихся между 1935 и 1974² гг., которые были опрошены по унифицированному вопроснику в России и во Франции в рамках сравнительного международного исследования по программе «Поколения и гендер» (*Generations and Gender Survey — GGS*). Учет исторического контекста позволяет не только идентифицировать изменения, которые могли произойти во время реализации этапов процесса взросления, но и установить отношения между, с одной стороны, моделями взросления и формирования семьи и, с другой — социальными, экономическими и политическими условиями, в которых проходило детство и юность рассматриваемых поколений. Экономическая, социальная и семейная политики, поощряющие рождение детей и предполагающие их социальную поддержку, меры, создающие благоприятные условия для получения жилья или работы, так же как и меры, направленные на сочетание профессиональной и семейной жизни, законодательство об абортах и контрацепции — все это может создать благоприятные условия для создания семьи, экономической и жилищной независимости молодежи. Аналогично политические и культурные изменения, важность которых не игнорируется ни для Франции, ни для России, могут лежать в основе новых социальных и демографических практик. Наконец, определенные экономические, политические и социальные потрясения — краткие, но сильные (например, война в Афганистане или социально-экономический и политический кризис конца 1980-х гг. в России, получение доступа к контрацепции во второй половине 1960-х и студенческие волнения 1968 г. во Франции) в силу своей масштабности не могли не повлиять на поколения, которые их пережили.

Мы изложим эволюцию совокупности событий, сопутствующих переходу к взрослой жизни у россиян и французов, а также обрисует социально-экономический контекст наступления этих событий для исследуемых поколений. Затем рассмотрим последствия изменений в календаре этих событий, делая акцент на их последовательности. В за-

² Для проведения нашего исследования в рамках вопросника GGS в России и Франции мы отобрали респондентов из поколений 1935–1974 гг. в возрасте от 31 до 70 лет на момент опроса. Чтобы избежать ошибок, связанных с указанием дат и последовательности событий жизни, мы не включали респондентов, рожденных до 1935 г. Так же поколения, рожденные после 1974 г., на момент опроса были слишком молодыми, чтобы пережить всю совокупность первых демографических событий.

ключение мы обобщим различные модели и подведем итог, обсудив вопрос о вероятной конвергенции поведенческих практик у россиян и французов.

1. Создание семьи: история поколений

Даты и возраста, на которые приходится четыре из пяти вышеупомянутых событий взросления, отображаются и в российском, и во французском вопросниках. Однако в российском варианте первой волны (2004 г.) нет вопроса о первой работе, поэтому эти сведения отсутствуют и в нашем сравнительном анализе³. Для других событий имеется полная информация и определения, дающие возможность для сравнений. Подчеркнем, что в проекте GGS этот аспект программы обследований являет собой предмет большого интереса [Sebille, Renier-Loilier, 2007]. Хотя вопросы были адаптированы с учетом национальной специфики стран, соответствие исходному вопроснику позволяет полностью сравнивать изучаемые события. Под завершением образования подразумевается выход из школьной или университетской системы образования. В анкете GGS не спрашивались подробности о длительности перерывов в обучении. Было только уточнено, что окончание обучения относится к наивысшей ступени достигнутого уровня образования, что исключает дополнительные формы образования или последующее образование, если оно не меняет единожды достигнутый уровень школьного или университетского образования⁴. Окончание совместного проживания с родителями или уход из родительского дома определяется по дате начала первого периода проживания отдельно от родителей, длительность которого должна быть равной трем или более месяцам. В случае, если родители жили отдельно друг от друга, были разведены или один из них умер, уход из родительского дома

³ Во второй волне исследования по программе GGS в вопросник был включен блок вопросов о профессиональной деятельности. В России в рамках промежуточного исследования на той же панели (исследование «Образование и занятость», 2005 г.), так же как и во Франции в рамках второй волны (2008 г.), была собрана информация о профессиональных траекториях в целом и о первой занятости в частности. В то же время эти данные на момент написания статьи были недоступны для международного использования, и поэтому не могли быть использованы в сравнительном анализе.

⁴ Во французском вопроснике респонденты должны были точно указать длительность своего обучения, ответив на вопрос: «Когда начался и закончился период вашего обучения? (Укажите месяц и год)». К сожалению, в российском вопроснике респонденту задавался только вопрос о месяце и годе окончания учебного заведения самого высокого для него уровня.

определялся первым периодом, в течение которого респондент не жил ни с одним из своих родителей⁵. Под первым брачно-партнерским союзом понимается период сожительства под одной крышей с первым партнером в течение трех или более месяцев. Первые серьезные любовные отношения без совместного проживания не включались в понятие первого союза, но они представляют собой малую часть союзов, особенно у более старших поколений. Наконец, рождение первого ребенка — это появление у респондента первого биологического ребенка⁶.

Поколения, родившиеся до или в течение Второй мировой войны, во многом схожи в обеих странах. Два года отделяют медианный⁷ возраст вступления в первый брак для мужчин и женщин, рожденных в обеих странах в 1935 г.; вступление в первый супружеский союз и рождение первого ребенка происходит практически в одном и том же возрасте: медианный возраст мужчин для этих событий — 24 (вступление в первый союз) и 26–27 лет (рождение первенца), в то время

⁵ Однако ничто не указывает на особенности раздельного проживания в случае наличия нескольких мест жительства, наблюдавшегося у некоторых молодых людей, обычно родительского дома и индивидуального жилища. Во французском вопроснике вопрос звучал следующим образом: «В каком возрасте Вы впервые в жизни проживали отдельно от Ваших родителей в течение более трех месяцев? (Укажите возраст)». В российском варианте спрашивался месяц и год, когда респондент впервые начал жить отдельно от родителей по меньшей мере три месяца подряд.

⁶ Вступление в первый союз отражалось в следующих вопросах: «Мы понимаем под «жизнью в паре» факт проживания под одной крышей с партнером/супругом в течение минимум трех месяцев». Если индивид жил на момент опроса со своим первым партнером/супругом, то ему задавался вопрос: «Когда Вы начали жить вместе? (Укажите месяц и год)». Если индивид уже жил с кем-либо до момента опроса, его просили ответить на следующие вопросы: «(Не считая Вашего нынешнего партнера/супруга) Проживали ли Вы в течение последних трех лет вместе с каким-либо партнером? Можете ли Вы мне назвать имя Вашего партнера? Когда он начал жить совместно с Вами? (Укажите месяц и год)». В российском вопроснике вопрос сформулирован следующим образом: «(Не считая Вашего нынешнего партнера/супруга) Вы когда-нибудь состояли в браке или жили с кем-либо вместе, как семейная пара не менее трех месяцев, не регистрируя брак?». Наконец, что касается рождения первого ребенка, вопросник позволял определить первого биологического ребенка респондента, а те дети, которые были усыновлены или опекались им, не принимались в расчет. Ребенок может быть умершим, рожденным в предыдущем союзе, проживающим или не проживающим с респондентом на момент проведения опроса. Дата рождения ребенка позволяла определить время этого события в календаре истории жизни респондента.

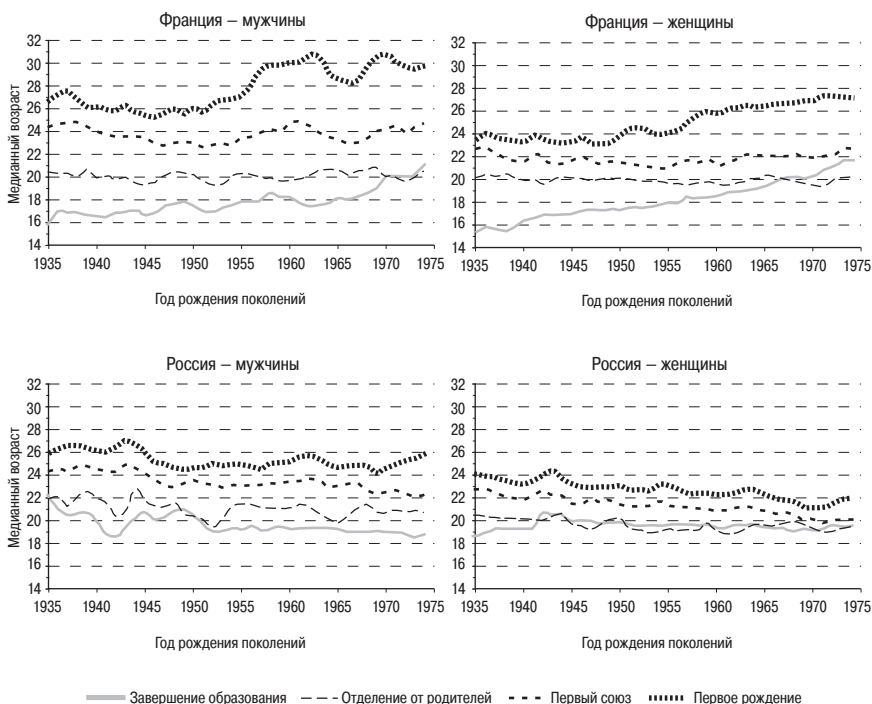
⁷ Для удобства мы рассматриваем медианный возраст, т. е. возраст к которому 50% населения уже пережили данное событие. Некоторые индивиды могли еще не пережить это событие на момент проведения опроса, но способны пережить его в будущем. Использование данного определения позволяет, исходя из классической схемы дескриптивного биографического анализа [Courgeau, Lelievre, 1989; Vocquier, 1996], предположить в жизненном календаре молодых поколений время наступления изучаемых событий.

как у женщин, эти события происходили немного раньше — в 22–23 и 23–24 года. Существуют также общие для двух стран межпоколенные различия в медианном возрасте вступления в первый брак и рождения первого ребенка. В поколениях, рожденных около 1940-го г. в России и в 1940–1945 гг. во Франции, возраст первого вступления в союз и рождения первого ребенка снизился.

Взросление последующих поколений проходило несколько иначе (рис. 1). В обеих странах снижение медианного возраста вступления в первый союз и рождения первого ребенка было значительным, причем в России эта тенденция омоложения первой семьи сохранялась еще долгое время. Этапы взросления проходили в более раннем возрасте и в течение короткого интервала времени, и до недавнего вре-

Рисунок 1

Медианный возраст событий, связанных с переходом к взрослому состоянию в России и во Франции

Источник: здесь и далее для всех рисунков и таблиц, если не указано иное, RusGGS (2004) и FraGGS (2005).

Примечание: реальные поколения мужчин и женщин 1935–1974 гг. рождения.

мени рассматриваемые события оставались тесно связанными друг с другом. Однако во Франции у поколений мужчин, рожденных в середине 1940-х гг., и у женщин, рожденных после 1945 г., этапы взросления начали отодвигаться на более позднее время. С откладыванием рождения первого ребенка французские поколения стали разъединять этапы взросления, которые происходят во все более длительных временных интервалах. Обратившись к историческим условиям жизни поколений в России и во Франции, мы сможем лучше понять причины этих различий.

1.1. Культурная и контрацептивная революции: «переходные» поколения

Во Франции поколения 1940–1945 гг. рождения провели свое младенчество во время войны, но в менее трагических условиях, нежели жители Восточной Европы или России. В дальнейшем они оказались в весьма благоприятной экономической и социальной ситуации, называемой «славным тридцатилетием». Рожденные в консервативном обществе, они первыми подвергли сомнению ценности 1950–1960-х гг. и, будучи более квалифицированными, чем старшие поколения, продемонстрировали молниеносное социальное восхождение.

В России поколения военных лет — самые малочисленные в XX в. Как и во Франции, они продукт консервативной, но несравненно более жесткой социализирующей системы — сталинизма. К тому же война, послевоенная разруха и репрессии исковеркали их детство. Многие дети остались сиротами, страдали от голода и насилия, когда они жили на оккупированных территориях или под бомбежками за линией фронта. Такие условия жизни нанесли психологическую травму (комплекс безотцовщины, см.: [Снегирева, Подчиненов, 2004] и подорвали здоровье. Многие дети рано умерли или были разлучены с родителями с самых малых лет. Не стоит забывать и характерную для данных поколений повышенную, во многом вынужденную географическую мобильность (эвакуации). Процент детей, воспитывавшихся, хотя бы временно, в интернатах, у родственников без одного или обоих родителей, был очень высок. Эти поколения отличаются повышенной смертностью [Вишневский, 2006, с. 289–293; Захаров, 1999; Adamets, Blum, Zakharov, 1994].

Вместе с тем малочисленные поколения 1940-х гг. воспользовались условиями низкой конкуренции при получении образования и карьерном росте. В этих поколениях едва ли не самый высокий в россий-

ской истории процент лиц, получивших высшее образование, — уровень, который смогут преодолеть только поколения второй половины 1970-х гг. Доступность образования уровней выше базового среднего (более 7–8 классов школы) была резко повышена отменой в 1955 г. платы за обучение в старших классах (8–10 классы), а также в учебных заведениях среднего специального (техникумы, педагогические и медицинские училища с 3–4-летним обучением) и высшего профессионального образования. Неслучайно почти 100% выпускников 10-х и 11-х классов в этих поколениях продолжили свое обучение. Процент городских жителей среди них по сравнению с предшественниками и следующими поколениями также оказался выше.

Кроме того, уменьшение на год длительности обязательной воинской службы вкупе с общим сокращением численности армии позволило мужчинам, особенно рожденным во второй половине 1940-х гг., завершить свое обучение раньше и получить специализированное, в первую очередь гражданское, инженерное образование.

Наконец, это первые поколения, которые достигли взрослых возрастов в условиях постсталинской России — во время хрущевской оттепели. Они вышли из системы образования, начали свою профессиональную деятельность и создавали семьи в менее жестких политических условиях. Аборты и разводы были снова разрешены. Мобильность из деревень в города снова стала возможной в некоторых случаях, в частности, в случае продолжения обучения. Репрессии, практиковавшиеся Сталиным за спонтанный отъезд в города, значительно сократились, а в 1970-х гг. сельские жители уже пользовались полной свободой передвижения [Попов, 1996]. Географическая мобильность стимулировалась также специальной политикой. Молодежь активно участвовала в кампаниях, организованных Хрущевым в поддержку освоения целины на Южном Урале и в Северном Казахстане. Эти кампании по примеру сталинских оргнаборов и распределений стали объектом интенсивной пропаганды, но уже не носили характер насильственной колонизации на ГУЛАГовский манер.

В то же время поколения, рожденные в 1940-х гг., пережили два периода социализации: начальный — в рядах строгой сталинской школы, последующий — в условиях «развенчания культа личности»⁸. Резкая

⁸ Предполагается, что возрастной период формирования «характера» поколения закладывается в 16–17 и завершается к 25 годам [Mannheim, 1992; Schuman, Scott, 1989; Schuman, Corning, 2000].

трансформация «идеологической матрицы» во время их молодости имела разрушающие последствия с точки зрения авторитетов: из этих поколений вышли наиболее известные первые интеллектуальные противники социального и политического режима в СССР [Vorontov, 1993; Воронков, 2005]. Экономические трудности, с которыми они столкнулись в детстве, в сочетании с достаточно высоким уровнем образования, несомненно, внесли свою лепту в появление протестного «проекта шестидесятников».

Во Франции, как и в России, поколения, рожденные в 1945–1955 гг., явились переходными, с точки зрения эволюции демографического поведения, но пути, по которым развивается эволюция, различны. Эти поколения, называемые во Франции «поколением мая 1968 г.», которые Бернар Прэль [Préel, 2000] относит к числу «измененных поколений/поколений-мутантов» (*générations mutantes*), находились в центре трансформации французской модели семьи и становления «современной» модели взросления. Одно из значительных изменений коснулось участия женщин в экономической и социальной сферах. В противоположность предыдущим поколениям они массово интегрировались в рынок труда и в большинстве своем занимали рабочие места в третьем секторе на условии полной занятости. Их экономическая и жилищная автономия стала более ранней, социальный статус улучшился — они выиграли от восхождения по социальной лестнице, к которой их предшественницы не имели доступа. В конечном счете отличия от женщин предыдущих поколений, в большей степени подчиненных социальному и семейному контролю, кажутся радикальными.

Культурные и социальные изменения, в которых участвовали французские поколения послевоенного «бэби-бума», и демографические изменения, которые они привели в действие, происходили в благоприятных экономических, политических и социальных условиях. Продолжавшийся вплоть до начала 1970-х гг. сильный подъем французской экономики открыл для мужчин и женщин, в отличие от их предшественников, возможность более квалифицированной и лучше оплачиваемой занятости. Экономические и социальные изменения сочетались с многочисленными политическими и правовыми изменениями, которые сделали более доступным образование, облегчили процесс создания семьи, в частности, для женщин [Giubert-Lantoine, Leridon, 1998]. Закон Нойвирта (Neuwirth) в 1967 г. разрешил использование современных средств контрацепции, а закон Вайля (Veil) 1975 г. легализовал добровольное прерывание беременности.

Эта благоприятная конъюнктура повлияла на демографическое поведение. Переходное поколение значительно запаздывало с реализацией календаря рождений, выдвигая на первый план вступление в партнерский, неформальный союз. Либерализация нравов усилила желание автономии, ведущее к ранним союзам и адаптации новых форм семейной организации. Быстрый выход из родительского дома предшествовал вступлению во взрослую жизнь, и брак перестал быть единственно возможной формой совместной жизни. Также распространение средств контрацепции после 1967 г. позволило разобщить во времени уход из родительского дома, вступление в брачный союз и рождение первого ребенка. Все эти события происходили все в более и более поздних возрастах и все меньше ассоциировались с совместной супружеской жизнью (*рис. 1*). Наконец, данные поколения, вероятно, продолжали свое образование без задержки даже в том случае, если они вступали с кем-то в более или менее серьезные партнерские отношения [Sebillе, 2009].

Тесная связь между уходом из родительского дома и вступлением в партнерский союз, с одной стороны, и появление новых установок по отношению к семье, с другой, показывают, в какой степени можно определять поколения послевоенных лет как «переходные». Многие ценности прошлого, такие как вступление в брак в момент ухода из родительского дома, идут рядом с новыми моделями создания семьи: формирование пары отделяется от формирования семьи с детьми, предвещая тем самым иное демографическое поведение у последующих поколений.

Совершенно иная ситуация наблюдалась в России, где политические условия — совершенно отличные от французских — имели значительные последствия для послевоенной эволюции демографического поведения. Многочисленные поколения, рожденные в 1945–1955 гг., обретали взрослый статус в эпоху Брежнева: в период экономической, социальной и идеологической стагнации. Условия их жизни отличались от условий жизни предыдущих поколений. Период жестокости и чрезмерных репрессий в основном завершился со смертью Сталина, но оставил в наследство насильственный патернализм со стороны государства, который ограничивал индивидуальное поведение. Чрезмерно идеологизированная образовательная система, практически обязательные пионерские организации и комсомол⁹ способствовали

⁹ Коммунистический союз молодежи объединял подавляющее большинство молодых советских людей в возрасте от 14 до 28 лет.

распространению четко определенных нормативных образцов поведения, и влияние, иногда противоречивое, этих практик социального контроля, затрагивало самые широкие массы.

Будущие жизненные стратегии индивида задавались успехами обучения в школе, которой семья отдала приоритет в выполнении социализирующей функции еще в сталинский период. Именно семья была придатком школы, а не наоборот. Авторитет учителей во многих случаях мог быть даже выше авторитета родителей. Подчинение провозглашенным правилам и хорошая успеваемость открывали пути к высшему образованию и профессиональному продвижению. Мальчики могли этим же путем избежать обязательной службы в армии. В случае плохой успеваемости в школе единственной открытой дорогой после окончания 8-го класса было пополнение рабочего класса с промежуточной подготовкой в сфере начального профессионального образования¹⁰, к которой для мужчин еще добавлялась 2-летняя обязательная служба в армии, от которой освобождались только выпускники ПТУ, ориентированных на отрасли военно-промышленного комплекса. ПТУ выдавало формальное свидетельство о получении полного среднего образования, однако качество такого среднего образования было настолько низким, что процент поступающих в высшие учебные заведения на дневную форму обучения из числа окончивших ПТУ был статистически незначимым.

Для поколений 1945–1955 гг. рождения конкуренция на пути к образованию и высокой позиции в профессиональной карьере была чрезвычайно высока. Высшее образование постепенно превращалось в суперэлитное (образование для избранных). Для регулирования потоков государство устанавливало фильтры в виде жестких вступительных экзаменов, а также в виде специальных характеристик, которые выдавались руководством школ и комсомольских организаций (в них отражалась способность учиться, проявленная степень социальной активности, а также моральный облик). В условиях трудозатратной, экстенсивной экономики послевоенного периода государственная политика была направлена на поддержание нужной пропорции рабочего класса, сдерживание развития высшего образования и недопущение в интеллектуальные сферы деятельности недостойных, с точки зре-

¹⁰ Продолжительность начального профессионального образования в системе профессиональных технических училищ (ПТУ) составляла 2 года на базе 8 классов средней школы и 1 год на базе 10 классов.

ния идеологов государства, категорий населения. Естественно, что теневой рынок частного репетиторства, коррупция и система блата¹¹ в системе образования приобрели массовый характер. Распределение на хорошие места работы, отбор кандидатов на вакантные должности также не обходились без протекции с активным использованием социальных сетей. Искусственное создание дефицита мест дневной (нормальной) формы обучения в университетах сопровождалось раздуванием системы квазивысшего образования — вечерней и заочной формы (на 1–2 года дольше, чем дневная форма), доступ к которой, с формальной точки зрения, получали только лица, имеющие постоянную работу, преимущественно рабочих профессий. Поэтому нередко можно было встретить молодого человека, который формально числился лаборантом или дворником, чтобы иметь документ, дающий право на обучение в высшем учебном заведении (зачастую справка покупалась или доставалась, опять же, по благу).

В результате вертикальная социальная мобильность была весьма ограниченной, хотя и не регулировалась столь жестко по признаку идеологической лояльности к власти, как в поздний сталинский период. Напротив, горизонтальная мобильность получила в период жизнедеятельности поколений 1950-х гг. последний исторический всплеск в связи с завершением урбанизационного процесса. Дополнительный импульс миграционной активности придала политика 1970-х гг. по ликвидации так называемых бесперспективных деревень, реструктуризации территориальной организации населения в рамках программы по развитию Нечерноземной зоны России и других проектов по интенсификации сельского хозяйства, реализовывавшихся после окончательного освобождения колхозников от обязательного прикрепления к земле. Усиление горизонтальной мобильности имело специфическую черту — она лишь в слабой степени способствовала вертикальной мобильности для тех же поколений: вчерашние колхозники становились низкоквалифицированными рабочими многочисленных заводов с отсталой технологией производства, работниками коммунальной сферы, испытывавшей проблемы с городскими кадрами.

Социально-экономический контекст жизнедеятельности данных поколений можно охарактеризовать одной фразой: экономика тотального дефицита, очередей и частично распределительной системы в эпоху перехода к массовому потреблению [Kornai, 1992]. Влияние западных

¹¹ Блат — система неформального обмена услугами.

стандартов ощущалось все сильнее: Россия в этот период приоткрывала «окна» на Запад для внешней информации и некоторых товаров массового спроса. Чем более расширялись стандарты потребления, чем больше нарастала скрытая инфляция, тем более тяжелые последствия для жизнедеятельности человека имела социалистическая плановая экономика. Нефтедоллары в 1970-х гг. лишь на время затормозили приближение коллапса на продовольственном рынке (массовая закупка зерна и продовольствия за границей) и, более того, разогрели неудовлетворенный спрос на потребительском рынке промышленных товаров (отложенный спрос быстро увеличивался). Деньги имели различную покупательную способность в зависимости от сферы занятости их владельца (привилегия потреблять в зависимости от места и стажа работы, партийности, прошлых заслуг и т. д.), а областные центры и столичные города постепенно становились закрытыми зонами¹², поскольку только в них, и то не всегда, удавалось сбалансировать спрос и предложение.

Разочарование действительностью и официальной идеологией «построения коммунизма» быстро распространялось среди молодежи, диссидентство получило питательную среду. При этом нельзя сказать, что уровень жизни не повышался: питаться стали лучше, жилищная обеспеченность улучшилась. Однако неудовлетворенность общим экономическим положением в стране, узостью каналов социальной мобильности, отсутствием свободы слова и самовыражения быстро нарастала.

Одной из главных проблем для рассматриваемых поколений стало непреодолимое противоречие слитности сексуального, матримониального, репродуктивного и образовательного поведения [Темкина, 2004; Zakharov, 2008]. Либерализация сексуальных практик, снижение возраста начала половой жизни не сопровождалось контрацептивной революцией, как это было во Франции и в других западных странах. Советское государство фактически не только выступало против распространения современных средств контрацепции, но и табуировало публичное обсуждение проблем сексуальности и планирования семьи [Avdeev, Blum, Troitskaja, 1994; Blum 1994]. Культура планирования семьи была очень низкой, да и к тому же контрацептивы, даже незапрещенные, как, например, презервативы, были в дефиците [Popov, Visser, Ketting, 1993]. В результате ранние незапланированные беременности,

¹² Доступ в них сдерживался институтом прописки.

которых становилось с каждым годом все больше, часто оказывались реализованы в рождениях, что в свою очередь стимулировало браки вдогонку. Возраст начала формирования семьи снижался, вступая в противоречие с необходимостью завершения образования и тяжелыми условиями начала трудовой деятельности. Молодая семья (уже с ребенком) попадала в зависимость от материальной и нематериальной помощи со стороны еще работающих родителей и государства. Круг замыкался: патерналистское навязывание традиционных стереотипов поведения в модернизирующемся обществе приводило к проблемным ситуациям, требующим еще большего усиления патерналистского вмешательства. Ранние вынужденные браки резко усилили тенденцию к росту разводов. Поколения 1950-х были первыми российскими поколениями, в которых для женщин опыт проживания в нескольких браках и рождения детей от нескольких супругов стал нормальной практикой.

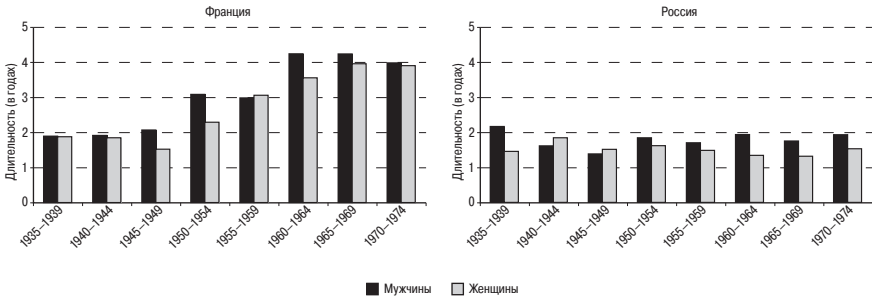
Мягкому переходу, наблюдаемому во Франции, где снижение влияния ценностей предыдущих поколений сопровождалось увеличением предложения контрацептивов, в России соответствовал запоздалый и ограниченный переход к новым практикам без должной трансформации ценностных ориентиров. Все этапы взросления — уход из родительского дома, вступление в союз, рождение ребенка, скорее навязанные, чем желанные, неумолимо концентрировались на коротком временном отрезке жизненного цикла.

1.2. Формирование семьи: откладывание во Франции и омоложение в России

Россия представляет собой особый случай с точки зрения эволюции формирования семьи. В Европе, в частности во Франции, тенденция к повышению возраста вступления в брак и рождения детей окончательно установилась в поколениях 1960-х гг. рождения. Начиная с поколений 1955–1965 гг. возраст вступления в первый союз, а затем и возраст рождения первого ребенка неуклонно увеличивались, и разъединение брачности и рождаемости, начатое предыдущими поколениями, утвердилось. Образовав союз, мужчины и женщины выдерживали все больший промежуток времени перед производством на свет потомства (*рис. 2*), что привело к появлению новой модели, в которой вступление в союз не было больше связано с созданием семьи с детьми. Этот разрыв между двумя событиями вначале был следствием усложнения

Рисунок 2

Средняя длительность периода между вступлением в брачно-партнерский союз и рождением первого ребенка в России и во Франции, лет

Примечание: здесь и далее для рисунков, если не указано иное, реальные поколения мужчин и женщин 1935/39–1970/74 гг. рождения.

матримониальных и семейных стратегий, когда второй союз с ребенком (детьми) мог следовать за первым союзом без ребенка. Молодые люди извлекали определенную выгоду от появившейся возможности совместной жизни без детей до того момента, как созреет решение о рождении ребенка [Régnier-Loilier, 2007; Mazuy, 2006]. Эта модель стала практиковаться поколениями 1960-х в то время, когда экономическая и социальная ситуация (кризис 1980-х) не способствовала ни занятости, ни экономической и жилищной автономии. Молодежь была вынуждена откладывать вхождение на рынок труда, в то время как предыдущие многочисленные поколения «бэби-бума» были все еще активными и не предоставляли в условиях растущей безработицы возможностей для последующих поколений.

Поколения россиян, рожденных в 1960-е гг., находились в исторических условиях, которые частично соответствовали условиям поколений, рожденных в 1930-е и в начале 1940-х гг. Во-первых, это также малочисленные поколения в силу того, что они являются детьми «детей войны». Во-вторых, им так же как и в свое время их родителям пришлось пережить ресоциализацию: детство и школьные годы они прожили в условиях, мало чем отличающихся от условий поколений 1950-х гг. рождения, а взрослая жизнь началась в принципиально иных условиях — «смутного» времени после смерти Л. Брежнева.

Смена веков — идеологических и экономических ориентиров — сопровождалась быстрым нарастанием проявлений тотального кризиса экономической и политической системы. Растущая инфляция приоб-

ретала открытую форму, а дефицит базовых для жизнеобеспечения товаров приводил к бесконечным очередям в магазинах. Приход М. Горбачева к власти, провозгласившего курс на ускорение экономического роста и либерализацию идеологического режима (политика гласности), хотя и вызвал кратковременную эйфорию от положительных социальных ожиданий, не принес конструктивных новаций, способных стабилизировать ситуацию в стране.

Характерной чертой мужчин данных поколений является их активное участие в войне в Афганистане (декабрь 1979 — февраль 1989). В начале 1980-х гг. меняется практика призыва на воинскую службу в сторону резкого сокращения категорий лиц, не подлежащих призыву. Особенно серьезные изменения касались студентов, которые в мирное время всегда получали отсрочку от призыва. Было принято беспрецедентное решение об обязательном призыве (с 1 января 1984 г.) студентов высших и средних специальных учебных заведений, как успешно сдавших вступительные экзамены, так и окончивших первый курс. В результате на пространстве бывшего СССР удалось призвать в армию на 270 тыс. чел. больше, чем в предыдущие годы [Градосельский, 2005]. Последствиями данного решения стало снижение среднего уровня образования у поколений, родившихся во второй половине 1960-х гг.

Женщины этих поколений также продемонстрировали снижение доли получивших высшее образование по причине, которая косвенно была связана с войной в Афганистане. На принятие решения об усилении мер семейной политики в 1981 г.¹³, видимо, повлияли жалобы военного руководства о снижении численности потенциальных рекрутов, усилившиеся в связи с введением войск в Афганистан. Следует заметить, что хотя среди причин, обосновывающих необходимость демографической политики, всегда называлась проблема дефицита трудовых ресурсов, было очевидно, что нехватка солдат также имела в виду, хотя в явном виде этот аргумент не приводился. Так или иначе, но новые меры семейной политики, среди которых главной инновацией были частично оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, начали действовать и вскоре принесли значительный всплеск рождений с пиком в 1987 г. Как показывает анализ, главный демографический эффект от новой политики заключался не столько в повышении итоговой рождаемости поколений (он был крайне не-

¹³ Новые меры на территории России начали действовать в 1982–1983 гг.

значителен), сколько в еще большем ускорении темпов формирования семей — календарь браков и рождений еще больше сместился к молодым возрастам [Avdeev, Monnier, 1994; Захаров, 2006; Zakharov, 2008]. Получив возможность находиться на законных основаниях с маленькими детьми дома, многие женщины рассматриваемых поколений совсем отказались от получения профессионального образования или отложили его завершение на период после рождения ребенка. Однако и этот вариант большинством не был реализован, поскольку каждая третья мать, не выходя из отпуска по уходу за первым ребенком, вновь оформляла отпуск в связи с рождением второго ребенка. Возраст материнства и интервалы между первым и вторым рождением были уникально низкими в российской истории [Захаров, 2006].

Если говорить в целом, то поколения 1960-х гг. оказались более успешными, чем поколения 1950-х гг. рождения. Начало экономических реформ в первой половине 1990-х гг. они встретили еще в очень молодом возрасте и потому могли гибко корректировать жизненные стратегии, адаптируясь к быстро меняющейся политической и социально-экономической действительности. Именно эти поколения быстрее других современников переориентировались на частный сектор и свободный рынок труда. Они решительнее старших меняли сферы занятости, реагируя на спрос, и зачастую делали это довольно успешно. Наиболее активные представители данных поколений сейчас составляют костяк российского бизнеса и все настойчивее проникают в высшие политические структуры.

Потрясения 1990-х гг. в одинаковой степени затронули и мужчин, и женщин и имели серьезные последствия для организации российского общества. Так, женщины, которые рано родили детей и стремились к участию в экономических и политических изменениях, столкнулись с невозможностью совмещения профессиональной деятельности и семейной жизни. Многие молодые отцы были вынуждены искать вторую работу или полностью сосредоточиться на карьере, дающей им возможность в случае необходимости одному содержать семью. Отмечая этот феномен, некоторые специалисты даже ставили вопрос: не происходит ли регресс в российском обществе в сторону прежнего, более традиционного гендерного порядка¹⁴?

¹⁴ См. дискуссию по данному вопросу и результаты сравнительного международного исследования на эту тему: [Здравомыслова, Арутюнян, 1998].

1.3. От Советского Союза к России: новая модель семьи

Отсрочка создания семьи — важное измерение демографического поведения в Европе. Оно утвердилось во Франции начиная с поколений середины 1950-х — начала 1960-х, из-за чего возраст рождения первого ребенка сдвинулся с 25 лет к 26 годам у женщин и с 27 лет к 30 годам для мужчин. В России это произошло позднее. Вплоть до поколений 1970-х гг. календарь вступления в первый союз и материнства свидетельствовал скорее о сильном снижении возраста родительства: до 20–21 года у женщин и 22–24 лет у мужчин. Только в следующих поколениях возраст начал увеличиваться (*рис. 1*); падение коммунистического режима отчасти объясняло такой внезапный поворот. Условия реализации первых этапов истории жизни поколений, рожденных в 1970-е и последующие годы, кардинально изменились. Как мы видели, семейная политика, проводимая на протяжении десятилетия реформ 1980-х гг., имела следствием значительное конъюнктурное повышение рождаемости, которая до этого начиная с 1950-х гг. не прекращала снижаться. Однако ухудшение экономической ситуации и исчезновение советского государства привели к переопределению семейной модели. Новое российское государство сокращало свое финансовое участие, переходя от всеобщей социальной защиты к адресной помощи, постоянство которой не было гарантировано. Помощь, прежде предоставляемая государством, передавалась все больше и больше семейно-родственному окружению [Lefèvre, 2005]. Эта «приватизация» системы иждивения вынудила переопределить роли и статусы внутри семьи. Женщины, которые до этого работали, все чаще увольнялись, чтобы растить детей.

Поколения, рожденные в 1970-х гг., в период своего взросления пережили фундаментальные политические и экономические изменения. Их главная отличительная черта заключается в том, что с политической, экономической и социальной точек зрения, они быстро приняли новые практики, более соответствующие тем, которые существуют в других европейских странах [Blum, Gousseff, 2003]. Возраст вступления в брак и рождения первого ребенка увеличился, особенно у мужчин. Эта тенденция, наблюдавшаяся в Европе десятилетиями раньше, с опозданием возобладала в России. Поколение, которое воплотило ее, оказалось аполитичным и прагматичным, не верит в государство и отклоняет проявления патернализма во всех его проявлениях. Представители данных поколений изначально сделали ставки на высшее

образование и профессионализм и полагают, что основа свободы лежит в экономической сфере, а не в политике. Для них никакая власть не является авторитетной, и они предпочитают индивидуальные ценности и гедонизм [Семенова, 2005]. Именно это поколение совершило революцию потребительских и властных притязаний в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [Magun, 2003; Магун, Энговатов, 2004].

Молодые россияне, которые прониклись скорее американской социальной моделью, нежели европейской, отказались от распространения социальной защиты в свою пользу, расценивая это как увековечение падшей системы. Они вспоминают свое пионерское прошлое как игру, а бедность своих родителей рассматривают как специфическую советскую болезнь или неудачу. Эти поколения первыми эффективно начали контролировать рождаемость с помощью современных средств контрацепции. Они откладывают рождение первого ребенка и закончили с опытом поспешного взросления предыдущих поколений. Институт брака также уступил свои права. Свободный союз быстро распространяется как подготовительный или альтернативный браку [Захаров, 2007; Blum, Lefèvre, 2006]. Ценности и семейные практики, использовавшиеся в течение десятилетий, наконец-то получили благоприятную почву для развития.

2. Эволюция формирования семьи и ее влияние на взросление

Место семьи в истории жизни

Во Франции модель вхождения в процесс формирования семьи в разрезе поколений менялась в течение двух периодов: омоложение календаря вплоть до переходных поколений 1945–1955 гг., сменившееся обратным процессом — повышением возраста рождения первого ребенка и увеличением срока между двумя начальными этапами создания семьи: вступлением в первый союз и рождением первого ребенка.

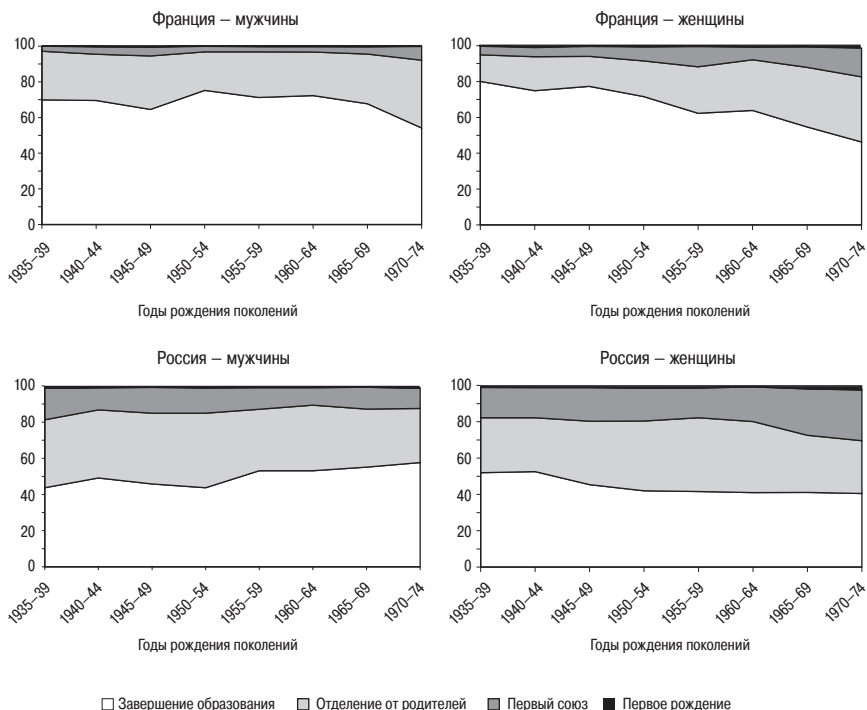
Эта тенденция сформировалась при относительно неизменном возрасте ухода из родительского дома (медианный возраст составляет 19–20 лет и 20–21 год соответственно для мужчин и женщин) и при увеличении длительности обучения (*рис. 1*). Медианный возраст завершения образования увеличился с 16 до 21 года у мужчин и с 15 до 21 года для женщин. Поколения 1945–1955 гг., которые участвовали в социальных и культурных изменениях конца 1960-х, были теми

поколениями, чей уровень образования повышался наиболее быстро. В отличие от старших поколений, многие из них учились в университете [Chauvel, 2006]. В то же время во Франции завершение обучения для большинства оставалось первым в цепочке изучаемых событий (рис. 3). Мужчины и женщины следующих поколений все чаще и чаще покидали родительский дом до наступления этого события.

Российская модель формирования семьи выигрывала в скорости у французской за счет более раннего начала семейной жизни. Близкая к французской модели для поколений 1935–1940 гг. рождения, она сильно омолодилась в поколениях 1970-х, находившихся в возрасте около 20 лет на момент распада Советского Союза. В течение рассматриваемого периода первые демографические события жизненного цикла концентрировались на коротком отрезке времени, и, в частности для половины женщин, рожденных в начале 1970-х гг., завершение образования, уход

Рисунок 3

Структура поколений по характеру первого случившегося в жизни индивида социально-демографического события на пути перехода к взрослому состоянию в России и во Франции, в %

из родительского дома, вступление в первый союз и рождение первого ребенка следовали один за другим на интервале менее чем в 3 года (рис. 1). Создание семьи в течение советского периода отличалось тесной связью с рождением детей — действовала социокультурная модель, характеризующая быстрым получением статусов супругов, отца и матери. Эта связь нарушилась в начале 1990-х гг., что свидетельствовало о том, что молодое поколение адаптирует новое демографическое поведение, особенно в отношении стадий формирования семьи. В то же время календарь завершения образования и выхода из родительского дома мало изменился. Более того, специфика советских условий, политика государства и формы семейной организации благоприятствовали неизменности этого календаря вплоть до начала 1990-х [Buttner, 2005]. В результате российская и французская модели в отношении первого этапа взросления разошлись: несмотря на относительно слабо увеличившийся возраст завершения образования, для большинства российских мужчин и женщин уход из родительского дома и, в меньшей мере, вступление в брачно-партнерский союз оказались первыми из четырех рассматриваемых событий. Важность, придаваемая созданию семьи, и связанность событий во времени способствовали, без сомнения, установлению такой последовательности. Русские люди в большей степени, чем французы, были ориентированы на создание семьи, и казалось, что они главным образом подчинялись логике «возрастных циклов жизни», которая предполагает, что вступление в союз и рождение первого ребенка происходят в ранних возрастах.

Анализ календаря событий не только дает ясную картину эволюции поведения и изменений в жизненном цикле, он также может показать, как происходило упорядочивание различных этапов взросления. Последовательное рассмотрение отдельных событий позволяет понять это лучше.

2.2. Выделение из родительской семьи: получение образования во Франции, создание собственной семьи в России

Первая рассматриваемая последовательность событий — «завершение образования и уход из родительского дома». Повышение медианных возрастов свидетельствует об увеличении длительности обучения, сильно повлиявшем на эту последовательность во Франции: мужчины и, главным образом, женщины все чаще покидают родительский дом до завер-

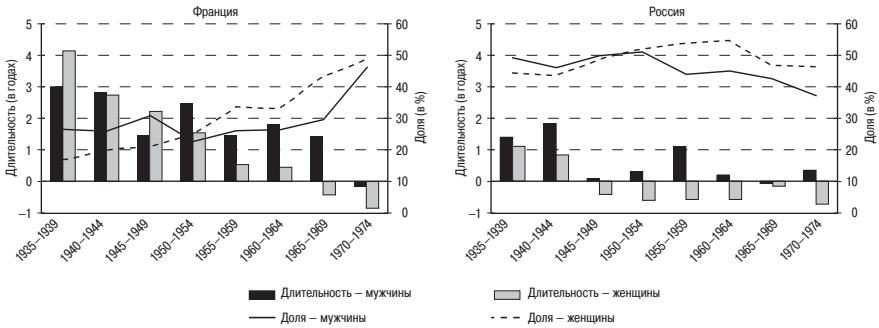
шения своего образования. Поколения 1945–1955 гг. — первые поколения, которые значительно увеличили длительность своего образования, смогли воспользоваться благоприятными экономическими и социальными условиями для раннего раздельного проживания. В жилищной сфере конъюнктура была одинаково хорошей и в конце 1960-х, и в начале 1970-х, что способствовало усилению жилищной и экономической независимости. Вместе с культурными изменениями, порожденными движением 1968 г., эти перемены были благоприятны в первую очередь для женщин. Они все больше приобщались к высшему образованию и рассматривали уход из родительского дома как средство эмансипации.

Тенденция продолжать образование после ухода из родительского дома утвердилась в поколениях 1960–1965 гг. Однако ухудшение экономической ситуации и сложности с трудоустройством [Monnier, 2007] побуждали молодых людей не торопиться с выходом на рынок труда и инвестировать в свое высшее образование, чтобы затем извлекать выгоду из более высоких компетенций [Préel, 2000]. Также они были вынуждены обосновываться в больших городах, где имелись образовательные учреждения соответствующего уровня, так что выход из родительского дома для большинства являлся первым этапом взросления. Такая последовательность событий была характерна для 15% женщин и 27% мужчин в поколениях 1935–1939 гг. рождения, а в поколениях 1970–1974 гг. рождения, соответственно для 35% и 38% (рис. 3). Исходя из экономического контекста той эпохи, учеба и раздельное проживание становились возможными, по крайней мере отчасти, благодаря помощи, предоставляемой родителями, которые находились в заведомо лучших условиях [Herpin, Dechaux, 2005; Laferrère, 2005; Jauneau, 2007]. В целом экономически завися от своих родителей, молодые люди все же разъезжались с ними, как только представлялся случай [Villeneuve-Gokalp, 2001]. Так, около 50% мужчин и женщин поколений 1970–1974 гг. покинули родительский дом до завершения своего образования (рис. 4).

В России последовательность этапов не менялась, и период времени, отделяющий окончание обучения и выделение из родительской семьи, лишь в минимальной степени различался в поколениях. По своему календарю эти два события оставались сильно сближенными, что свидетельствовало об их тесной связи. В частности это верно для поколений послевоенных лет (1945–1955 гг. рождения), у которых промежуток времени между окончанием обучения и раздельным проживанием с родителями уменьшился, став даже отрицательным для женщин (события поменялись местами во времени). Величина интервала на уровне значе-

Рисунок 4

Средняя длительность периода между завершением образования и выделением из родительской семьи (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых выделение из родительской семьи произошло до завершения образования (кривые)

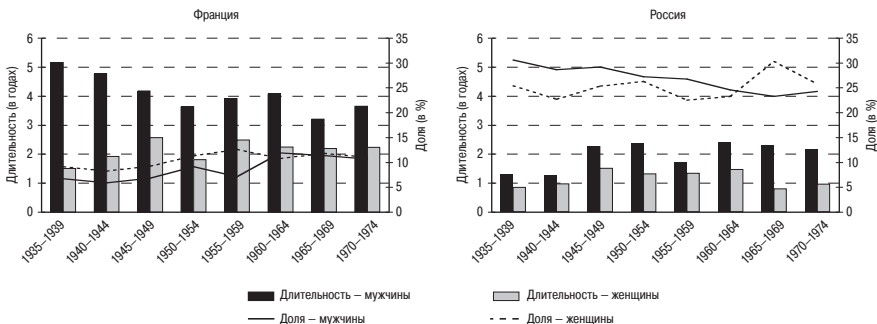

ний менее одного года становится характерной для российской модели. Фактически и в противоположность Франции доля мужчин и женщин, покидавших своих родителей до завершения образования, была постоянно высокой у всех поколений (варьировала между 40% и 55%), даже если она в дальнейшем снижалась. Патернализм государства, так же как и высокая мобильность студентов, мужчин, призванных на воинскую службу, объясняют эту отличительную черту России.

Последовательность «раздельное проживание с родителями—вступление в союз» позволяет определить природу различий между французской и российской моделями взросления и создания семьи (рис. 5). В России эти два этапа настолько тесно взаимосвязаны, что 30% мужчин и 40% женщин переживают их одновременно. Однако специфика российской модели — более значимая роль, отводимая вступлению в брак в процессе выделения из родительской семьи. Для 20–30% мужчин и женщин изучаемых поколений вступление в брачно-партнерский союз предшествовало уходу из родительского дома. Эти результаты подтверждают наблюдаемые практики для всех этих поколений: прием молодой пары в дом родителей и активная вовлеченность семей супругов в жизнь молодых.

Во Франции доля мужчин и женщин, проживающих у своих родителей после создания супружеского союза, была минимальна (между 5 и 12%; см. рис. 5). Так же и раздельное проживание, которое начиналось все раньше в цепочке событий, связанных с вхождением во взрослую жизнь, открывало относительно долгий период одинокой

Средняя длительность периода между выделением из родительской семьи и вступлением в первый брачно-партнерский союз (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых вступление в брачно-партнерский союз произошло до выделения из родительской семьи (кривые)

жизни, что было очень редким явлением в России. В более старших поколениях (1935–1944 гг. рождения), однако, средний период, который отделял раздельное проживание и вступление в союз, различался для мужчин (5 лет) и женщин (2 года). Эти различия возвращают нас к тому факту, что мужчины и женщины до начала 1960-х гг. получали доступ к социальной и экономической автономии в различном ритме, что долго характеризовало французскую модель взросления и формирования семьи. Выход из родительского дома и вступление в первый союз происходили одновременно для более чем 60% женщин, рожденных до 1955 г., по сравнению с 30% мужчин. Эти различия впоследствии ослабли, и все большее число женщин проживало в одиночестве в течение некоторого времени, приближаясь тем самым к мужскому типу поведения.

2.3. Более долгое взросление во Франции по сравнению с Россией

Принимая во внимание всю совокупность рассматриваемых этапов взросления, можно заключить, что преодоление каждого из них занимало более длительный период времени во Франции, чем в России. Контрацептивная революция, произошедшая во Франции во второй половине 1960-х гг., внесла вклад в распространение французской модели более долгого перехода. Контроль рождений в поколениях, родившихся после середины 1950-х гг., значительно отсрочил рождения первых детей. Помимо увеличения длительности образования это зна-

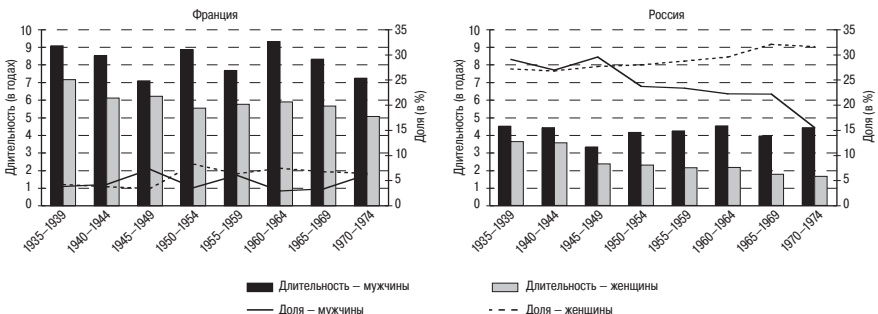
чительно повлияло на взросление в целом (рис. 6). Разъединение этапов завершения образования и рождения первого ребенка стало нормой, и атипичные случаи, когда рождение первенца предшествовало завершению обучения, были редки (около 5%).

В России, наоборот, все было переплетено. Календарь взросления оказывался очень насыщен событиями, и у многих мужчин (от 20% до 30%) и женщин (более 30%) к окончанию обучения уже был первый ребенок. Как мы видели, модель взросления в России ассоциируется с формированием семьи, тогда как во Франции эта связь выражена гораздо слабее. В итоге находит подтверждение идея о том, что российская модель в большей степени соответствовала представлениям о естественных «возрастных циклах жизни».

В настоящее время эта модель, очевидно, претерпевает изменения. Среди тех, кто родился после 1970 г. — свидетелей и участников экономических и социальных трансформаций 1990-х гг. — рождение первого ребенка реже предшествовало завершению обучения. Более позднее формирование семьи и эволюция этапов взросления указывают на то, что в России формируется новая модель взросления, более близкая к французской модели, и это прежде всего касается мужчин. Занятость, наличие жилья, завершение обучения стали, по-видимому, необходимыми условиями для реализации проекта по созданию семьи. Модель, полагающаяся на патернализм государства и отсутствие современной контрацепции, в наиболее молодых поколениях, кажется, изживает себя.

Рисунок 6

Средняя длительность периода между завершением образования и рождением первого ребенка (гистограммы) и доля мужчин и женщин, у которых рождение первого ребенка произошло до завершения образования (кривые)

3. Различия моделей взросления в России и во Франции

Различия российской и французской моделей взросления кажутся очевидными. С одной стороны, календарь всех событий этого периода жизни эволюционировал от поколений к поколению по-разному, с другой — относительная однородность мужского и женского поведения характеризует новые поколения во Франции, в то время как в России, наоборот, различия между мужчинами и женщинами с начала 1990-х гг. усилились. Анализ выявил, что на поведение и стратегии, наблюдаемые на различных этапах взросления, оказывали влияние как исторические, социальные и культурные контексты, так и экономические и политические факторы.

Две последовательности: «вступление в союз–раздельное проживание с родителями» и «рождение первого ребенка–завершение обучения» являются основными для выделения моделей взросления, объясняемых спецификой демографического поведения в каждой из стран. Вступление в первый союз до ухода из родительского дома — редко наблюдаемое поведение во Франции, где молодые поколения имеют опыт жизни в одиночестве без родителей и супруга. Это не характерно для России, где создание союза может предшествовать раздельному проживанию; молодые люди, создавшие собственные семьи, при опросе отмечали, что либо зависели, либо проживали вместе со своими родителями или родителями супруга. Такое положение может складываться по экономическим причинам (из-за невозможности получения отдельного жилья) или быть выражением семейной солидарности.

Рождение первенца до завершения образования считается во Франции атипичным поведением и может означать невозможность контролировать рождаемость. Хотя оно в большей степени присуще поколениям, еще не пережившим «контрацептивную революцию», для тех, чье взросление прошло после 1970-х гг., это означало раннюю и «случайную» рождаемость или, наоборот, выбор в пользу рождения в период массового распространения высшего образования. В России рождение ребенка во время обучения было более распространено и в противоположность Франции, очевидно, объяснялось отсутствием эффективного контроля рождаемости и ограничительной политикой по отношению к контрацептивным средствам вплоть до 1990-х гг. В то же время ранний возраст рождения первого ребенка был выра-

жением модели, дающей быстрый доступ к высокому статусу отца и матери, т. е. к статусу «взрослого человека». Совпадение календарей завершения образования и рождения ребенка свидетельствует о том месте, которое занимает проект создания семьи в процессе взросления, даже если молодые россияне сегодня все больше отступают от него.

Изучение всей совокупности данных позволило выделить четыре группы изменений, наблюдавшихся в переходе к взрослой жизни, начиная с поколений, рожденных незадолго до начала Второй мировой войны (1935), и вплоть до тех, которые родились в разгар экономического кризиса 1970-х гг.

Различия мужских и женских путей взросления (поколения, родившиеся до 1945 г.)

Первая модель взросления, наблюдавшаяся как во Франции, так и в России, относится к поколениям, рожденным между 1935 и 1945 гг. Для них характерны большие различия в моделях взросления мужчин и женщин. Для мужчин ранний выход из образовательной системы, быстрый доступ к занятости и раздельное проживание с родителями сочетается с поздним формированием семьи, вступлением в партнерский союз и рождением первого ребенка. Их взросление более долгое, как если бы поиск экономической стабильности заставлял их откладывать создание семьи. В этом проявлялись социальные нормы 1950-х гг. В это время мужчина еще воспринимался как основной кормилец семьи. Ему было необходимо занимать стабильную должность прежде, чем вступить в союз и начать реализовывать репродуктивную стратегию. Женщины, наоборот, имели более ранний календарь взросления, и более короткий цикл формирования семьи у них соотнобразовывался с традиционной моделью создания семьи. Представленные на рынке труда в меньшей степени, чем мужчины, они все еще воспринимались как основные хранительницы домашнего очага и семьи. Более причастные к созданию семьи, они вступали в брак и быстро рожали ребенка.

Быстрое взросление (поколения 1945–1954 гг.)

Во Франции эти поколения находились в центре больших социальных, политических и демографических изменений XX в., в то время как в России брежневская стагнация держала их в железном ошейнике и сдерживала все робкие попытки изменений, несмотря на чаяния на-

селения. Во Франции экономические и социальные условия поколений «бэби-бума» были особенно подходящими для переопределения демографического поведения. Начиная с середины 1960-х гг. они участвовали в обновлении норм и социальных практик, которые, в свою очередь, облегчили им приобретение жилищной и экономической независимости. Эта эмансипация молодежи, особенно молодых женщин, благоприятствовала выходу из родительского дома, вступлению в брачно-партнерский союз и контролю рождаемости. Рассматриваемые здесь поколения также были первыми, которые отделили формирование партнерства от рождения первого ребенка. Из их поисков автономии и либерализации сексуального, социального и семейного поведения постепенно выросла модель взросления и создания семьи, освобожденная от социальных ограничений, которым их предшественники в течение долгого времени были подчинены.

Напротив, в России наиболее напряженный период пришелся на поколения, свободные от сталинизма, но подчиненные строгому контролю и практически мало меняющейся экономической системе, которая принимала форму патерналистского государства. Поколения 1945–1954 гг. были далеки от того, чтобы пережить аналогичную сексуальную революцию, как и во Франции. Консервативный и малоэффективный режим, который последовал за репрессивным сталинским, противостоял новаторским социальным практикам. Хотя аборт и разводы были официально разрешены, использование средств контрацепции не было распространено. В таких условиях российские модели взросления сильно отличались от тех, которые развивались во Франции. Они характеризовались недостаточной обособленностью событий, которые накладывались друг на друга и происходили в короткий промежуток времени, а также тем, что окончание обучения незамедлительно сопровождалось созданием семьи. Наследием принудительной институциональной системы явилась сильная фрустрация, наиболее явное проявление которой выразилось в появлении диссидентства.

Откладывание против постоянства (поколения 1955–1964 гг.)

Во Франции поколения, появившиеся после периода «бэби-бума», столкнулись с ухудшением экономической ситуации и увеличением профессиональной нестабильности. Поиск работы оказался трудным для мужчин и еще более проблематичным для женщин, и увеличение

периода обучения, значимый фактор, как мы это видели, для женщин этих поколений, являлось альтернативой занятости. Однако принципиальное изменение — это откладывание формирования семьи и рождения первого ребенка. Отметим также, что на проявления экономического кризиса конца 1970-х — начала 1980-х гг., мужчины и женщины отреагировали по-разному. В то время как мужчины переопределили приоритеты своего взросления, женщины ориентировались в зависимости от ситуации. На протяжении всего времени поколения 1955–1964 гг. были первыми, которые должны были адаптировать этапы взросления к экономическим трудностям. Называемые поколениями социального упадка [Préel, 2000], они откладывали время наступления событий, что их сильно отличает от поколений послевоенного «бэби-бума».

В России эти же поколения перенесли сильный и противоречивый шок. Современники войны в Афганистане, дорого стоившей стране, они затем столкнулись с социально-экономическими трансформациями и реформами 1990-х гг., так же как и с распадом патерналистского государства и эрозией нравственных ценностей советской эпохи. Они оказались в ситуации, когда происходили радикальные социальные и демографические перемены. Поддерживаемые в первые годы своей взрослой жизни семейной политикой государства 1980-х гг., они сохранили прежнюю демографическую модель раннего взросления, этапы которого были тесно переплетены.

Трудности и адаптация (поколения 1965–1974 гг.)

Для последних рассматриваемых здесь поколений французов, вошедших во взрослую жизнь после второй половины 1980-х гг., экономический и социальный климат был таким же тяжелым. Рынок труда сузился, тогда как поколение «бэби-бума» по-прежнему давало многочисленных работников. Удлинение образования тогда рассматривалось как альтернатива, отодвигающая его завершение на второе, третье место в списке первоначальных этапов жизненного цикла. В этих условиях ограничения накапливались до момента выхода молодых людей из родительского дома: необходимость продолжения образования в более-менее удаленном месте, иногда зависимость от семейной помощи для обеспечения жильем и часто одинокое проживание до момента получения первой стабильной работы. Вступление в партнерский союз все больше расходилось во времени с рождением первого

ребенка и созданием семьи. С изменением нравов и распространением эффективного контроля рождений утвердился особый период жизни в одиночестве или в паре, отдавая тем самым создание семьи.

В России поколения, рожденные в 1965–1974 гг., были первыми, кто поменял свое демографическое поведение. Они пользовались плодами столь ожидаемой контрацептивной революции, образовывали союзы, которые не так быстро сопровождались рождением ребенка и стремились получить работу до того, как начинали думать о создании семьи. Однако еще рано утверждать, что эта модель, близкая наблюдаемой во Франции, действительно утвердилась. Перспективы этих поколений на самом деле неясны, и они не пользуются гарантиями, предлагаемыми европейскими социальными системами. Вероятно, мужчины приняли новый модус поведения, в то время как женщины, возможно, все еще предпочитают придерживаться более традиционных норм и по возможности оставаться вне рынка труда.

* * *

Результаты нашего анализа главных этапов взросления — завершения образования, ухода из родительского дома, получения первой работы, вступления в первый союз и рождения первого ребенка — показывают, что демографическое поведение, находясь под сильным влиянием различных исторических условий в России и во Франции, тем не менее подчиняется с некоторым отставанием или в несколько другой форме общей логике. Поведение, сформированное поколениями, прошедшими через большую часть второй половины XX в., имело признаки демографических моделей, иногда пригодных только для мужчин или для женщин, а иногда было свойственно отдельным поколениям. Сложность перехода ко взрослой жизни, упорядоченная последовательность порогов, которые надо преодолеть на этом пути и календари событий в истории жизни затрудняют, как это было показано, анализ перехода от одного типа биографии к другому. Вне преобладающего поведения наблюдались атипичные, но характерные для специфической части населения пути взросления, делающие относительным понятие общей модели перехода к взрослой жизни. Представляется, что этот переход из детского или подросткового состояния к статусу взрослого человека хорошо вписывается в процесс автономизации по отношению к родителям в плане достижения экономической

и жилищной независимости, но также и в процесс преодоления порогов на пути, ведущем к созданию семьи. Тем не менее эволюция календаря поведенческих практик, связанных с достижением взрослого статуса, как во Франции, так и в России показывает, что последовательность событий шаг за шагом изменялась, и что рождение первого ребенка перестало жестко зависеть от других событий в биографии человека. Сегодня многие мужчины и женщины в молодых поколениях пока еще не произвели на свет ребенка.

Литература

1. *Adamets S., Blum A., Zakharov S.* Disparites et variabilites des catastrophes demographiques en URSS // *Dossiers et Recherches*, 42, janvier. — Paris: INED, 1994.
2. *Avdeev A., Blum A., Troitskaja I.* Histoire de la statistique de l'avortement en Russie et en URSS jusqu'en 1991 // *Population*. 1994. Vol. 49. №4–5. P. 903–934.
3. *Avdeev A., Monnier A.* (1994) A la decouverte de la fecondite russe contemporaine // *Population*. 1994. Vol. 49. №4–5. P. 859–902.
4. *Blum A., Gousseff C.* Russie. D'un recensement a l'autre // *Le Courrier des pays de l'Est*. 2003. №1035. Mai. P. 15–26.
5. *Blum A., Lefèvre C.* Apres 15 ans de transition, la population de la Russie toujours dans la tourmente // *Population et Societes*. 2006. №420. Fevrier. P. 1–4.
6. *Bocquier P.* L'analyse des enquetes biographiques. — Paris: Ceped, 1996.
7. *Büttner O.* Les anciens textes fondateurs dans les pays de l'Est. Un droit base sur la pratique // *Informations sociales*. 2005/4. №124. P. 42–52.
8. *Courgeau D., Lelièvre E.* Analyse demographique des biographies. — Paris: Ined, 1989.
9. *de Singly F.* Penser autrement la jeunesse // *Lien social et politiques*. 2000. №43. P. 9–21.
10. *Galland O.* Entrer dans la vie adulte: des etapes toujours plus tardives mais resserrees // *Economie et Statistique*. 2001. №337–338. Fevrier. P. 13–36.
11. *Guibert-Lantoine C., Leridon H.* La contraception en France: un bilan apres 30 ans de liberalisation // *Population*. 1998. Vol. 53. №4. P. 785–812.
12. *Herpin N., Düchaux J.-H.* Entraides familiales, independance economique et sociabilite // *Economie et Statistique*. 2005. №373. Avril. P. 3–32.
13. *Jauneau Y.* L'independance des jeunes adultes: chomeurs et inactifs cumulent les difficultes // *Insee Premiere*. 2007. №1156. Septembre. P. 1–4.
14. *Kornai J.* The Socialist System. The Political Economy of Communism. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

15. *LaFerrere A.* (2005), Quitter le nid: entre forces centripetes et centrifuges // *Economie et Statistique*. 2005. №381–382. Octobre. P. 147–175.
16. *Lefèvre C.* Peut-on parler de politique familiale a l'Est? La politique familiale entre politique de l'emploi et politique de lutte contre la pauvreté // *Informations sociales*. CNAF. 2005. №124. P. 6–14.
17. *Magun V.S.* The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // T. Horowitz, B. Kotik-Friedgut, St. Hoffman (Eds.) *From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective*. — Lanham, MD: University Press of America, 2003. P. 149–175.
18. *Mannheim K.* *Essays on the Sociology of Culture*. — London: Routledge, 1992.
19. *Mazuy M.* Etre pret-e, etre prêts ensemble? Entree en parentalite des hommes et des femmes en France, These de doctorat de demographie. — Universite Paris 1 Pantheon-Sorbonne, 2006.
20. *Monnier A.* Le baby-boom: suite et fin // *Population et Societes*. 2007. №431. Fevrier. P. 1–4.
21. *Popov A., Visser A.Ph., Ketting E.* Contraceptive knowledge, attitudes, and practice in Russia during the 1980s // *Studies in Family Planning*. 1993. Vol. 24. №4. P. 227–235.
22. *Préel B.* Le choc des generations. — Paris: La Decouverte, 2000.
23. *Prioux F.* L'age a la premiere union en France: une evolution en deux temps // *Population*. 2003. Vol. 58. №4–5. P. 623–644.
24. *Regnier-Loilier A.* Avoir des enfants en France. Dřsirs et rřalitiřs. — Paris: Ined, coll. «Les Cahiers de l'Ined», 2007. №159.
25. *Rougerie C., Courtois J.* Une etape du passage a l'age adulte: l'emploi qui compte // *Population*. 1997. Vol. 52. №6. P. 1297–1327.
26. *Schuman H., Corning A.* (2000), Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // *Am. J. Sociology*. 2000. Vol. 105. №4. P. 913–956.
27. *Schuman H., Scott J.* Generations and Collective Memories // *Ame. Sociological Review*. 1989. Vol. 54. №3. P. 359–381.
28. *Sebille P.* Un passage vers l'age adulte en mutation? // A. Regnier-Loilier (ed.). *Portraits de familles. L'enquete Etude des relations familiales et intergenerationnelles*. — Paris: Ined, coll. «Grandes Enquetes», 2009. P. 315–340.
29. *Sebille P., Regnier-Loilier A.* Amenagements du questionnaire Generations and Gender Surveys en France (vague 1). — Paris: Ined, coll. «Documents de Travail». 2007. №144. — 191 p.
30. *Villeneuve-Gokalp C.* Les jeunes partent toujours au meme age de chez leurs parents // *Economie et Statistique*. 2001. №337–338. Fevrier. P. 61–80.
31. *Voronkov V.* Die Protestbewegung der «Sechziger»-Generation. Der Widerstand gegen das sowjetische Regime 1956–1985 // *Osteuropa*. 1993. Vol. 43. №10. P. 939–948.

32. *Zakharov S. V.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. №24. P. 907–972.
33. *Вишневский А. Г.* (ред.). Демографическая модернизация России, 1900–2000. — М.: Новое издательство, 2006.
34. *Воронков В. М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста // Ю. Левада, Т. Шанин (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 168–200.
35. *Градосельский В. В.* Комплектование вооруженных сил СССР в 1970–1980-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2005. №9. С. 18–21.
36. *Захаров С. В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры. 2006. №5 (Осень-зима). С. 33–69; http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf
37. *Захаров С. В.* Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // *Проблемы прогнозирования*. 1999. №2. С. 114–131.
38. *Захаров С. В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007. С.75–126. Здравомыслова О. М., Арутюнян М. Ю. Российская семья на европейском фоне. — М.: Эдиториал СССР, 1998.
39. *Магун В., Энгватов М.* Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 // *Вестник общественного мнения*. 2004. №4 (Июль-август). С. 70–82.
40. *Попов В.* Паспортная система советского крепостничества // *Новый мир*. 1996. №4.
41. *Семенова В. В.* Современные концепции эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Ю. Левада, Т. Шанин (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 80–107.
42. *Снегирева Т., Подчиненов А.* «Сын за отца не отвечает?»: комплекс безотцовщины в советской литературе // С. Ушакин (ред.). Семейные узы: модели для сборки. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 2. С. 83–102.
43. *Темкина А.* Половая жизнь в позднесоветском браке // С. Ушакин (ред.). Семейные узы: модели для сборки. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. Кн. 1. С. 515–547.